
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-IX

Посвящается 130-летию со дня рождения С. А. Козина

Составитель И. В. Кульганек



St. Petersburg
2010

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-IX: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 176 с.

Девятый выпуск сборника имеет разделы: «Историография, источниковедение и история науки», «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Научная жизнь», «Рецензии, письма в редакцию», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольских народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общесоциальное практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The ninth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews. Letters to the editors», «Scholarly events», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22 п. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-434-6



© Петербургское Востоковедение, 2010

© Институт восточных рукописей РАН

Содержание

Предисловие	5
И. В. Кульганек. С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества	7
С. А. Козин. Беседа мальчика-сироты с орлёками Чингис-хана (Подг. к изданию Т. Ю. Евдокимовой)	14
М. В. Мандрик, И. М. Захарова. К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Значение термина <i>ulus</i> в «Erdeni-yin tobči» Санан-Сэцэна	25
Е. В. Бойкова. «Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность	30
Р. Ю. Почекаев. К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.	33
М. М. Содномпилова. Окружающая природа в традиционном мировоззрении монгольских народов: растительность в представлениях, верованиях и запретах	39
Д. А. Николаева. Материнство в традиционной культуре бурят	43
Дин Шучинь. Проблема <i>туцзу</i> в китайском монголоведении	51
Ж. Сабитов. «Муизз ал Ансаб» как источник по истории Монгольской империи	55
А. А. Сизова. Монгольский перевод ламрима Гампопы	63
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
З. К. Касьяненко. Колофоны оригинальных сочинений — источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии	67
Б. С. Дугаров. Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады	69
Л. С. Дампилова. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха	73
Саймон Уикем-Смит. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явухулана (Пер. с англ. А. В. Зорина).	78
Д. А. Носов. Монгольская народная кумулятивная сказка	84
А. Алима. Особенности распространения монгольской протяжной песни	90
Т. Г. Басангова. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков	95
Е. В. Сундуева. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным <i>r</i>)	99
Т. Б. Тагарова. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием	103
И. В. Герасимов. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях	109
Ю. И. Елихина. Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа	117
РЕЦЕНЗИИ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Майкл Хини. <i>Тьяллинг Халбертсма.</i> Охотники на йети: тайные исследования диких людей из Центральной Азии (Пер. с англ. Н. С. Яхонтовой)	123
К. Н. Яцковская. Письмо в редакцию сборника «Mongolica»	125
К. Н. Яцковская. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998).	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Л. Халоупкова. Тридцатилетие Рабтен-центра в Швейцарии	136
Конференции, новые книги по монголоведению в 2010 году	138
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Д. Бодо. Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния (Пер. с монг. Л. Скородумовой)	148
Г. Аюурзана. Письмо бабушке (Пер. с монг. Е. Чернышевой)	163
Г. Аюурзана. Прилагательные времени (Пер. с монг. Д. Водяницкой, Е. Чернышевой)	166
Д. Батбаяр. Любовь (Пер. с монг. Н. Чернухи)	168
Д. Батбаяр. Слово (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Батбаяр. Человек (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Нацагдорж. Мрачные скалы (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	170

Contents

Preface	5
I. V. Kulganek. S. A. Kozin: some unknown biography and scolarly data	7
S. A. Kozin. A talk between nine Chinggis Khan's orloks and a wise orphan-boy (Prep. by T. Yu. Evdokimova)	14
M. V. Mandric, A. I. Zakharova. S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia	17
HISTORIOGRAPHY, TEXTOLOGY	
T. D. Skrynnikova. The meaning of the term <i>ulus</i> in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen	25
E. V. Boikova. The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality	30
R. Yu. Pochekeyev. On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries	33
M. M. Sodnompilova. The surrounding nature in the traditional world-view of the Mongolian peoples: vegetation in views, beliefs and taboos	39
D. A. Nikolayeva. Motherhood in the traditional Buriat culture	43
Ding Shuqin. The problem <i>Tutsu</i> in the Mongolian studies in China	51
Zh. Sabitov. «Muizz al-Ansab» as a source on the history of the Mongolian Empire	55
A. A. Sizova. A Mongolian translation of the lamrim by Gampopa	63
LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
Z. K. Kasyanenko. The colophones of original texts — a source of information about the formation of written culture in Central Asia	67
B. S. Dugarov. Tenggrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»	69
L. S. Dampilova. «The poetry of emotionally pressed tone» by B. Galsansukh	73
S. Wickham-Smith. A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuuhulan (Transl. from English by A. Zorin)	78
D. A. Nosov. The Mongolian folk cumulative-type tale	84
A. Alima. The distribution features of Mongolian «long» songs	90
T. G. Basangova. Demonological characters in the Kalmyk folklore	95
E. V. Sunduyeva. The verbalisation of visualization of light phenomena by native speakers in the Mongolian languages (on roots with a consonant <i>r</i>)	99
T. B. Tagarova. The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device	103
I. V. Gerasimov. The camel image in Mongolian and Arabic literary tradition	109
Yu. I. Elikhina. The Mongolian collections in the State Hermitage Museum	117
REVIEWS. LETTERS TO THE EDITORS	
Michael Heaney. <i>Tjalling Halbertsma.</i> Yeti Jagers: Het Geheime Onderzoek naar de Wilde Mens van Centraal-Azië (Transl. from English by N. S. Yakhontova)	123
K. N. Yatskovskaya. A letter to the editors	125
K. N. Yatskovskaya. Our tutor Eduard Makarovich Murzayev (1908—1998)	127
SCHOLARLY EVENTS	
L. Holoupkova. The celebration of the 30th anniversary of the Rabten center in Switzzeland	136
Conferences, new books on Mongolian studies published in 2010	138
OUR TRANSLATIONS	
D. Bodo. Corall rosary. A didactic story about a requital for mundane deeds (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	148
G. Ayurzana. A letter to my granny (Transl. from Mongolian by E. Chernyshova)	163
G. Ayurzana. Adjectives of time (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	166
D. Batbayar. Love (Transl. from Mongolian by N. Chernukha)	168
D. Batbayar. A word (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Batbayar. A man (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Natsagdordzh. Gloomy rocks (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	170

Р. Ю. Почекаев

К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.

Автор статьи впервые привлекает внимание к вопросам о заимствовании правового опыта иностранных государств в монгольском праве, составлявшим существенную часть права Монгольской империи и выделившихся из нее впоследствии государств. В статье автор анализирует причины и порядок рецепции норм и принципов иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.

Ключевые слова: Монгольская империя, государства чингисидов, монгольское имперское право.

Право Монгольской империи и других государств чингисидов неоднократно становилось предметом исследования. При этом исследователи чаще всего стремились ответить на вопрос, было ли «имперское» право обычным правом древних тюрко-монгольских племен, адаптированным к новым условиям, или же являлось вновь созданным в результате правотворческой деятельности монгольских ханов и их соратников. Однако внимание специалистов практически не привлекал вопрос о рецепции (заимствовании) правового опыта иностранных государств в монгольском праве, а между тем заимствования иностранных норм составляли существенную часть права Монгольской империи и выделившихся из нее впоследствии государств. В настоящей работе мы намерены проанализировать причины и порядок рецепции норм и принципов иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.

Безусловно, процесс заимствований иностранного права был не спонтанным и не стихийным, а осуществлялся при возникновении соответствующих социально-политических условий. Эти условия можно свести к трем основным группам.

Первая — расширение границ Монгольской империи или ее государств-преемников. Монгольские правители постоянно вступали в контакт с народами, обладавшими совершенно иной культурой, правом, системой ценностей, и взаимодействие с ними на основе норм, принятых внутри монгольского общества, было невозможным. В результате монгольские правители в силу объективной необходимости должны были заимствовать нормы иностранного права, чтобы взаимодействовать с иностранными государствами на едином «правовом языке».

Уже Чингис-хану пришлось столкнуться с этой проблемой при установлении контактов с государст-

вом хорезм-шахов, но он оперативно ее решил: согласно «Сокровенному сказанию», «явились к нему (Чингис-хану. — Р. П.) из города Урунгечи двое сартаульцев, по фамилии Хурумши, по именам Ялавачи и Масхут, отец с сыном. Они беседовали с Чингисханом о городских законах и обычаях, и он убедился в их сходстве с Законом-Иосун» [Козин, 1941. § 263]. В данном случае, как видим, «проблема» международно-правового взаимодействия оказалась не столь велика — вероятно, из-за того что значительную часть населения Хорезма также составляли выходцы из тюрко-монгольских народов, жившие по законам и обычаям, достаточно близким к праву монголов.

Более сложная ситуация сложилась в Золотой Орде, когда ее правителям понадобилось установить постоянное взаимодействие с государствами Европы, в частности с итальянскими торговыми республиками Венецией и Генуей. Эти государства, в отличие от Хорезма, были, можно сказать, полной противоположностью Монгольской империи и Золотой Орде — в отношении хозяйственного уклада, системы ценностей, права и управления, религии. Поэтому для взаимодействия с ними необходимо было подробное изучение и, в конечном счете, рецепция норм их права, особенно важных для дальнейшего взаимодействия.

Ценным источником о рецепции права европейских государств ханами Золотой Орды является коллекция золотоордынских документов из Венеции, которая включает в себя 4 ханских ярлыка венецианским купцам Азова (Таны) и 6 сопутствующих документов. В них отражено появление в золотоордынской фискальной практике ряда новых налогов и сборов — торгового и весового, а также различных видов пограничных и дорожных (налог на поддержание дорог, сбор за предоставление торговцам воору-

женной охраны, сборы при проезде через мост или переправе через реку) [Григорьев А. П., Григорьев В. П., 2002. С. 24—27, 97—98, 135—136, 149—150].

Большинство этих налогов и сборов отсутствовали в аналогичных ярлыках ханов Монгольской империи, зато многие из них были широко распространены в Европе еще со времен Римской империи (дорожные) или в международной торговой практике Причерноморья (торговые) [Григорьев А. П., Григорьев В. П., 2002. С. 15; Рогачевский, 2002. С. 222]. Это позволяет сделать вывод, что данные нормы были рецепцией европейского права.

Каким образом положения об упомянутых налогах и сборах были заимствованы ханами Золотой Орды? Думается, первоначально они могли быть введены в качестве реторсии, т. е. ответной меры в рамках международно-правового принципа взаимности: не исключено, что ордынские торговцы в Европе должны были уплачивать соответствующие налоги и сборы, а это побудило и ордынских ханов внести соответствующие положения в свое законодательство.

Вторая группа условий, вызвавших рецепцию иностранного права, — усложнение общественных отношений внутри государства в процессе его развития и необходимость правового регулирования этих отношений. Уже в первой четверти XIII в. в состав Монгольской империи вошли различные оседлые народы — китайцы, хорезмийцы и пр., усложнилась структура управления государством и обществом. Естественно, в таких условиях прежние тюрко-монгольские нормы и отдельные правовые новации (в виде указов и распоряжений Чингис-хана и его преемников) не соответствовали новым государственно-правовым условиям. Пришлось прибегнуть к заимствованиям из иностранного права — в первую очередь из правового опыта китайских империй.

Так, уже Чжао Хун, посол империи Южная Сун, побывавший у монголов в 1222 г., отмечает, что «татары, унаследовав систему цзиньских разбойников», ввели у себя ряд чиновничьих должностей китайского происхождения — управляющего протоколами, министров, пин-чжанов и др. Кроме того, Чингисхан и его преемники стали издавать письменные указы и постановления различных видов и выдавать лицам, облеченным определенными полномочиями, пайцзы. «Всему этому научили их мятежные чиновники цзиньских разбойников», — резюмирует Чжао Хун [Мэн-да Бэй-лу, 1975. С. 73—74].

Еще два посла Южной Сун — Пэн Да-я и Сюй Тин, побывавшие в Монгольской империи в 1233—1236 гг., т. е. уже в правление хана Угедэ, упоминают о налогах, взимаемых с населения Монгольской империи, причем называют его термином «чай-фа», который монголы также позаимствовали из империи Цзинь ([Краткие сведения, 1960. С. 143, 155]; см. также: [Schurmann, 1956. Р. 318—325]). Введение в Монгольской империи упорядоченной налоговой системы связывается с именем Елюя Чу-цая, бывшего сановника империи Цзинь, перешедшего на служ-

бу к Чингис-хану и ставшего канцлером при его преемнике Угедэ. Согласно жизнеописанию Елюя Чу-цая, система налогообложения была введена для того, чтобы спасти китайских подданных монгольского хана от систематического ограбления кочевниками ([Мункуев, 1965. С. 73]; см. также: [Allsen, 1981. Р. 35; Kushenova 2007; Schurmann, 1956. Р. 363]).

В первой четверти XIV в. империя Юань в значительной степени превратилась из оседло-кочевое государство в «чисто» китайскую империю, восприняв и китайскую систему ценностей, управления и права. Монгольское имперское право (даже с учетом прежних рецепций из правового опыта империй Цзинь и Сун) перестало быть эффективным, и понемногу появились очередные правовые преобразования. Они были проведены в эпоху правления Гэгэн-хана (Шудибала, император Ин-цзун, 1320—1323), в результате чего появились крупные кодификации имперского права — «Да Юань тун-чжи» («Общие законы великой династии Юань»), «Юань(-чао) дань-чжан» («Установления династии Юань») и «Цзин-ши да-дэнь» («Великие установления по управлению миром»). Значительную часть норм составляли прямые заимствования из китайского права империй Цзинь и Сун [Попов, 1907. С. 0153; Далай, 1983. С. 70—73].

Аналогичным образом складывалась ситуация и в Иране, где до монгольского завоевания (как и в Китае) существовала развитая правовая культура. Ее влияние было настолько велико, что даже в период монгольского владычества в документах и трактатах, составленных чиновниками персидского происхождения, традиционные монгольские налоговые термины заменялись их персидскими эквивалентами [Schurmann, 1956. Р. 374—375]. Для устранения столь явного конфликта была необходима правовая реформа. Радикальные государственные и правовые преобразования в государстве ильханов на рубеже XIII и XIV вв. были проведены везиром Рашид ад-Дином, советником ильхана Газана, и во многом представляли собой именно рецепцию норм прежнего иранского права, базирующегося на шариате и фикхе [Рашид ад-Дин, 1946. С. 217—316].

Наконец, третья группа условий рецепции иностранного права монголами — принятие монгольскими государствами той или иной религии в качестве государственной. В Монгольской империи (затем — империи Юань) это был буддизм, в государстве ильханов, Золотой Орде и Чагатайском государстве — ислам.

Как известно, уже при Хубилае в Монгольской империи буддизм занял доминирующее положение. Средневековый историко-правовой памятник, известный под названием «Белая история» («Цаган теуке») содержит информацию о том, что к чиновникам Монгольской империи были приравнены представители буддийского духовенства — ламы различных уровней, в число обязательных для исполнения норм были включены требования о соблюдении буддийских ритуалов, внесены соответствующие дополнения и изменения в положения о наказаниях и

пр. [Белая история, 2001. С. 74—80]. Все эти положения представляли собой рецепцию буддийского права, позаимствованного преимущественно из Тибета через буддийских иерархов, находившихся при ханском дворе.

Аналогичным образом в Золотой Орде в процессе установления ислама в качестве официальной религии в систему золотоордынского права были включены нормы шариата, а мусульманские чиновники и представители духовенства вошли в состав золотоордынской администрации: так, в ярлыках ханов Золотой Орды «мусульманского периода», помимо и ранее упоминавшихся темников, тысячников и пр., появляется обращение также к кадиям, муфтиям и другим представителям мусульманской социально-политической системы [Радлов, 1889. С. 20—21; Сафаргалиев, 1996. С. 501].

Точно так же мусульманское право утверждалось и в Чагатайском улусе, вернее — в государстве тимуридов, сменивших чагатаидов на троне Мавераннахра в начале XV в. Наследники Тимура прекрасно осознавали нелегитимность своего правления (не будучи потомками Чингис-хана, они претендовали на верховную власть) и поэтому решили отказаться от монгольского законодательства, нарушителями которого они являлись, и заменить его положениями шариата. Так, в правление Шахруха, сына Тимура, в правовую систему государства тимуридов (так и не изжившую до конца влияние обычного тюрко-монгольского права и имперского права чингисидов) были инкорпорированы нормы шариата и фикха (подробнее см.: [Почекаев, 2005. С. 291—292]).

Анализ вышеприведенных условий рецепции иностранного права в государствах чингисидов позволил нам выявить одну закономерность: практически во всех случаях рецепция осуществлялась из права независимых государств, а не покоренных монголами народов. Недостаток источников не позволяет нам дать однозначный ответ, был ли этот принцип официально закреплен в правотворческой практике монголов или нет. Единственный известный нам пример, когда он был официально сформулирован, — это отказ монгольского хана Тимура (император Чэн-цзун), внука Хубилая, ввести в действие созданный его китайскими советниками кодекс законов, когда он мотивировал свое решение тем, что положения кодекса опираются на старинные китайские традиции, а теперь китайцы завоеваны монголами и поэтому их опыт вряд ли будет хорош для победителей [Ratchnevsky, 1993. P. 171]. Тем не менее на практике этот принцип, похоже, действовал практически всегда.

Наверное, единственный случай в истории чингисидских государств, когда рецепция иностранного права была произведена из права покоренных государств при непосредственном участии чиновников этих самых покоренных государств, — это реформы Елюя Чу-цая, бывшего чиновника империи Цзинь, основанные на правовом опыте этой самой империи Цзинь. Однако даже в данном случае можно увидеть, что рецепция права была осуществлена от еще не

покоренного народа: реформы Елюя Чу-цая начались в 1229—1230 гг., тогда как империя Цзинь была окончательно покорена только к 1234—1235 гг. и, соответственно, до этого времени могла считаться формально независимым государством.

Гораздо сложнее было следовать этому принципу монгольским правителям Китая и Ирана. В этих странах, как уже отмечалось выше, издревле сложилась собственная правовая традиция, влияние которой не учитывать было просто невозможно. Однако и тут монгольские законодатели сумели придать рецепции иностранного права (права покоренных народов!) характер новаций.

Так, откровенный характер заимствований преобладающей части норм китайского права в кодификация императора Ин-цзуна был несколько завуалирован. Во-первых, в эти кодификации было включено значительное число (до трети всего содержания) указов более ранних монгольских ханов — императоров Юань, а во-вторых, использовался правовой опыт не только завоеванных империй Цзинь и Сун, но и более ранних китайских государств [Дробышев, 2007. С. 79; Ratchnevsky, 1993. P. 172—173]. Соответственно, главным инициатором и создателем всех трех собраний законов считался сам император Ин-цзун.

Честь разработки и проведения реформы права и системы управления в государстве ильханов ее подлинный автор Рашид ад-Дин уступил своему патрону — ильхану Газану. И. П. Петрушевский считает, что везир «приписал» славу законодателя и реформатора ильхану «из лести» [Петрушевский, 1974. С. 28]. Однако выявленный нами принцип позволяет объяснить причину почтения сановника к своему повелителю иначе: рецепция персидского права в результате действий везира приобрела характер новаций — как бы заново созданных норм права, инициатором же нововведений предстал сам монгольский ильхан, а не представитель покоренного населения!

Наиболее виртуозный, на наш взгляд, способ «замаскировать» рецепцию права покоренного народа имел место при включении в право империи Юань норм и принципов буддийского права, заимствованного из Тибета. Тибет к этому времени находился в составе Монгольской империи, т. е. в полной мере относился к категории покоренных государств. Чтобы рецепция тибетского права не выглядела прямым заимствованием, была создана правовая фикция — так называемая концепция «двух учений» или «двух законов». Она сводилась к тому, что светское право (закон), установленное монархами Монгольской империи, дополнялось правом (законом) духовным — буддийскими нормами. Чтобы придать этой концепции легитимность, первым адептом «двух учений» в «Белой истории» назван сам Чингис-хан [Белая история, 2001. С. 74]. Соответственно, «религией» его внука Хубилая названы «два закона устройства вселенной, [из них] духовное правление [подобно] шелковому узлу, правление хагана [подобно] золотому ярму» [Белая история, 2001.

С. 80]. В последующей монгольской историографии XVII—XVIII вв. эта концепция получила дальнейшее развитие, и считалось, в частности, что каждый великий хан (начиная уже с Мунке) имел собственного буддийского наставника [Лубсан Данзан, 1973. С. 247—251]. Таким образом, тибетское буддийское духовенство приравнялось к высшему чиновничеству Монгольской империи и в некоторых случаях ставилось едва ли не наравне с ее правителями и имело полное право проявлять законодательную инициативу!

Правители же монгольских государств, принявших ислам, нашли возможность собности рассматриваемый принцип несколько иначе. Так, в источниках по истории ислама в Золотой Орде мы практически не встречаем сведений о правотворческой деятельности и значительной политической роли собственно ордынских правителей и богословов — из Волжской Болгарии, Крыма, Хорезма. Советниками-богословами золотоордынских ханов-мусульман или видными чиновниками (в т. ч. и в судебной сфере) были выходцы из Мавераннахра, Ирана и даже Египта [История Казахстана, 2006. С. 122, 167—168, 190; Мукминов, 2004. С. 122—126]. В то же время собственно ордынские богословы и знатоки права в большей степени были известны именно за рубежом — в первую очередь в Египте, союзном Золотой Орде, а также в Чагатайском улусе и Иране [Усманов, 2000. С. 144; История Казахстана, 2006. С. 76, 77, 118—119, 124, 129—131, 133—134]. Полагаем, что возвышение иностранных мусульманских деятелей можно объяснить выявленной нами закономерностью: заимствование иностранного права формально от выходцев из независимых государств (включая и другие монгольские государства — Иран и Мавераннахр, не подчиненные Золотой Орде) было допустимо, в отличие от права покоренных государств.

Правители Чагатайского улуса действовали аналогичным образом, в полной мере следуя принципу заимствования права не от собственных подданных, а от иностранных государей. Так, согласно тимуридскому историку Абд ар-Раззаку Самарканди, для обоснования своего права на престол Пир-Мухаммад-мирза, внук Тимура, решил «испросить грамоту на царство у аббасидских халифов, живущих в Египте, и тем самым отменить законы, действовавшие при монголах» (цит. по: [Бартольд, 2002. С. 46]). Шахрух-мирза, сын Тимура, ставший в конечном счете верховным правителем государства тимуридов, тоже решил опереться на авторитет египетских халифов, а также правителей и правоведов из Египта, Ирана, арабийских государств.

Еще один принципиальный момент, связанный с рецепцией иностранного права монголами, заключался в том, что заимствованные нормы права имели известные ограничения по действию: они чаще всего использовались для регулирования отношений именно с иностранными государствами и покоренными народами. Наверное, один из немногих примеров (и единственный, известный нам), когда заимствован-

ные нормы были распространены на все население монгольского государства, — это рассмотренный в начале статьи пример с налогами и сборами, позаимствованными ханами Золотой Орды из европейского правового опыта. Изначально эти нормы касались именно иностранных торговцев (примечательно, что весовой сбор взимался в Золотой Орде, даже если обе стороны в сделке были иностранцами!), однако в дальнейшем их действие было распространено и на подданных ордынских ханов, включая кочевое население. Это подтверждается, в частности, тарханными ярлыками ханов Тимур-Кулуга (1398) и Улуг-Мухаммада (1420), согласно которым, пожалованные лица (тарханы) освобождались от уплаты различных видов налогов, включая и вышеперечисленные торговые и дорожные [Григорьев А. П., 2006. С. 99, 122]. Таким образом, рецепция иностранного права, изначально произведенная в целях более эффективного взаимодействия на международном уровне, была сочтена полезной и для регулирования правоотношений внутри страны.

Как правило же, на кочевое монгольское и тюркское население заимствованные нормы не распространялись. Кочевники жили по своим обычаям, которые признавались монгольскими монархами, не считавшими нужным приводить их в соответствие с общеимперским правом (см. подробнее: [Почекаев, 2006б. С. 304—305]). Даже налоговые отношения регулировались разными нормами: одни виды налогов взимались с кочевого населения, другие — с оседлого [Schurmann, 1956. P. 325, 362]. Вероятно, именно поэтому при распаде империй (Юань, Золотая Орда и пр.) вновь возникшие кочевые государства (монгольские, казахские, узбекские) сумели безболезненно вернуться к прежнему обычному праву кочевых племен, отказавшись не только от заимствованных норм иностранного права, но и от «имперского» законодательства в целом, включая даже Великую Ясу Чингис-хана и установления его преемников, которые оказались не востребованы в небольших национальных государствах, каковым стала, например, Монголия после падения империи Юань [Рязановский, 1931. С. 40; Восемнадцать степных законов, 2002. С. 83—84; Почекаев, 2006а].

Отметим, что Монгольская империя была не единственным государством, где право для кочевого и оседлого населения было различным и сосуществовало как бы параллельно. Для большинства государств имперского типа со смешанным укладом или с различными культурами такая ситуация была характерна. Например, в империи Ляо (X—XII вв.) существовала даже дуальная система органов управления — для взаимодействия с кочевым и оседлым населением. Сами киданьские императоры Ляо прекрасно осознавали, что такая политика способствует разведению их подданных, но не менее четко понимали, что различные традиции, типы хозяйствования, культурные, правовые и государственные ценности их подданных не позволят выработать систему правового регулирования, одинаково универсальную для всех. Соответственно, и право предыдущей ди-

насти Тан было заимствовано киданями весьма осторожно и в ограниченном количестве [Franke, 1992. P. 112, 127].

Наконец, еще одним важным принципом, учитываемым монгольскими правителями при рецепции права, была целесообразность заимствования. Как мы имели возможность убедиться, рецепция иностранного права производилась только при наличии определенных условий и для решения конкретных задач. В случае необходимости даже право покоренных народов могло быть заимствовано — при создании соответствующей «правовой фикции». Когда же необходимости в таких заимствованиях не было, то, даже если монгольские государства находились в постоянном контакте с другими государствами, никаких заимствований не производилось. Например, никакие элементы древнерусского права не были инкорпорированы в систему права Золотой Орды, несмотря на ее тесные связи с русскими княжествами. Несомненно, если бы ордынские законодатели нашли в русском праве нормы, заслуживающие внимания и использования в своей практике, они бы сумели осуществить их рецепцию, создав очередную «правовую фикцию». Но дело в том, что «православная Русь XIII в., в отличие от мусульманского мира, не могла дать Орде того, чем она сама пока не обладала, — опыта и традиции государственного строительства, технологии управления государством» [Арапов, 1996. С. 84]. Это подтверждается многочисленными примерами обратного заимствования — ордынских государственных и правовых традиций русскими княжествами.

Заимствования иностранного права были актуальны для монгольских правителей, когда их государство представляло собой империю — обширное образование с многонациональным и многокультур-

ным населением и широкими международными связями. Именно поэтому мы и ограничиваем рассмотрение проблемы рецепции иностранного права в монгольских государствах рамками XIII—XV вв.: именно в это время и Монгольская империя, и выделившиеся из нее государства (государство ильханов, Золотая Орда, Чагатайский улус и государство тимуридов) представляли собой государства имперского типа. К XVI в. большинство этих государств пали или превратились в государства национального типа с единым населением и единой традицией хозяйственной деятельности и государственного устройства. Так, одни из этих государств пошли по пути чисто исламского или буддийского развития, другие вернулись к древним кочевым обычаям, превратившись из государств в чифдомы («вожества»). Их правовая история уже не является предметом исследования в рамках настоящей статьи.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы о рецепции иностранного права в монгольском «имперском» праве.

Во-первых, заимствования производились из права народов, не находившихся в подданстве или в вассальной зависимости у монгольских ханов. В тех же случаях, когда рецепция осуществлялась из права подданных, это заимствование оформлялось с помощью разного рода правовых фикций, которые скрывали или изменяли характер прямых заимствований от покоренных народов.

Во-вторых, заимствования производились исключительно для регулирования отношений с покоренными народами или иностранными государствами. Монгольские законодатели даже не пытались с их помощью изменять основы права своих кочевых тюрко-монгольских подданных.

Литература

- Арапов Д. Ю. Русь и Восток в XIII в.: к вопросу о возможностях русского влияния в монгольской истории // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 29—31 января 1996 г. М., 1996.
- Бартольд В. В. Халиф и султан // Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 2002.
- «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII—XVI вв. / Пер. П. Б. Балданжапова, коммент. Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ, 2001.
- Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI—XVII вв. / Пер., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб., 2002.
- Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006.
- Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002.
- Далай Ч. Монголия в XIII—XIV вв. М., 1983.
- Дробышев Ю. И. Экологические сюжеты в средневековом монгольском законодательстве // Mongolica VII. СПб., 2007.
- История Казахстана в арабских источниках. Т. III: Извлечение из сочинений XII—XVI веков / Сост., пер., введ. и коммент. А. К. Муминова. Алматы, 2006.
- Козин С. А. Сокровенное сказание. Юань чао би ши. М.; Л., 1941.
- «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина / Пер. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. 1960. № 5.
- Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной. М., 1973.
- Мушинов А. Деятельность ученых улама из Ирана в Золотой Орде // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII—XVIII вв.: Материалы Междунар. круглого стола. Алматы, 2004.
- Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965.
- Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер., введ., коммент. и прилож. Н. Ц. Мункуева. М., 1975.
- Петрушевский И. П. Политические идеи Рашид ад-Дина // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. III. 1974.
- Попов П. С. Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань чао-дьянь-чжан // Зап. Вост. отд-ния Русского археол. о-ва. Т. 17. 1906. СПб., 1907.
- Почкаев Р. Ю. Обычай и закон в праве кочевников Центральной Азии (после империи Чингис-хана) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М., 2006.

- Почекаев Р. Ю.* Особенности формирования и эволюции правовой системы Улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.
- Почекаев Р. Ю.* Правовое наследие Монгольской империи в государстве Тимуридов (по данным летописей, нумизматического и актового материала) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Материалы междунар. науч. конф., посвященной столетию со дня рождения А. М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2—5 ноября 2004 г.). СПб., 2005.
- Радлов В. В.* Ярлыки Тохтамышша и Темир-Кутлука // Зап. Вост. отд-ния Русского археол. о-ва. Т. III. СПб., 1889 (отд. оттиск).
- Рашид ад-Дин.* Сборник летописей: В 3 т. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса; Ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса, А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946.
- Рогачевский А. Л.* Кульмская грамота — памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002.
- Рязановский В. А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931.
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X—XVI вв. М., 1996.
- Усманов М. А.* Новые письменные источники по истории Поволжья (предварительное сообщение) // Средневековая Казань: возникновение и развитие: Материалы междунар. науч. конф. (Казань, 1—3 июня 1999 г.). Казань, 2000.
- Allsen T. T.* Mongol Census Taking in Rus', 1245—1275 // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. V, № 1.
- Franke H.* Chinese Law in a Multinational Society: The Case of the Liao (907—1125) // Asia Major. 1992. Ser. 3. Vol. 5.
- Kushenova G.* Cengiz Han'ın İki Valisi, Mahmut Yalavaç ve Yeh-Lu Ch'u-Ts'ai: Devlet İdare Anlayışları ve Uygulamaları // BİLİG Sayı: 42 Yaz'07.
- Ratchnevsky P.* Jurisdiction, Penal Code and cultural confrontation under Mongol-Yuan law // Asia Major. 1993. Vol. VI.
- Schurmann H. F.* Mongolian Tributary Practices of the 13th Century // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. № 19.

R. Yu. Pochekayev

On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries

For the first time the attention is paid to the borrowing of the legal experience from foreign countries to the Mongolian law. It constituted a substantial part of the Mongol Imperial law and was inherited in the states which later detached from the Empire. The author analyzes the reasons and procedure for such reception in the Mongol Empire and the Chinggiside States in XIII—XV centuries.

Key words: The Mongolian empire, Chinggiside states, the Mongol Imperial law.